

Е.Ермак

Серебристая Чаша

Часть 3

18+

Е.Ермак

Серебристая Чаша. Часть 3

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Е.Ермак

Серебристая Чаща. Часть 3 / Е.Ермак — «ЛитРес: Самиздат»,
2020

Заключительная часть романа, который посвящен трагической гибели
взрослой женщины. Автор дает свое объяснение причинам, которые повлекли
за собой ее смерть.

Но ведь невозможно всю жизнь сидеть дома? Олег от природы совсем не смуглый, а оттого, что сидит дома полтора месяца, похож на привидение, да ещё эти темные круги под глазами. Маргарита Васильевна всерьез была озабочена состоянием своего сына. Он стал вялым и все больше лежал. Перечитал почти всю домашнюю библиотеку, остались только книги, которые и сама Маргоша не могла осилить.

–Наверное, нам придется выйти с тобой, сын. Я буду рядом, и если ты захочешь, то буду идти чуть в отдалении.

Олег испуганно посмотрел на нее.

–Я не хочу, ма...

–Но однажды тебе придется это сделать. Через месяц начнется новый учебный год. Я думаю, нужно потихоньку выходить. Давай просто сходим к киоску Союзпечати, может, там интересный журнал захочешь купить?

Алексей прислушивался к их разговору.

–Не пойму, из-за чего сыр-бор, вообще? Ты болел, теперь выздоровел. Чего дома сидеть? Раньше, наоборот, тебя не дозваться было с улицы...

В комнате по стенам бегали солнечные зайчики. Высокая береза за окном шелестела ветками. Был выходной, и Маргоша пожалела, что завела этот разговор, пока муж был дома. Вечером Маргарита Васильевна пошла провожать мать на электричку.

–Погостила и хватит, верно?

–Ты мама хорошо живёшь, спокойно. Я тоже хочу пожить так однажды.

–Для этого тебе нужно остаться одной...

Они прошли через лес и вышли на выложенную серыми плитками дорогу к платформе. Здесь чемодан на колесиках резво и скоро катился. Маргарита Васильевна только направляла его. Солнце было ярко-ржавым, оно медленно садилось, превращая окружающее в кадр фантастического фильма. Высокая сухая трава окружала дорожку, по которой они шли. Плитки местами были вытащены, украдены. На них колесики чемодана застревают, и Маргоше приходится прикладывать усилия, чтобы приподнять чемодан.

–Что ты туда положила? Вроде, когда ты приехала, чемодан был гораздо легче!

–Олег твой книжек мне насовал, сказал, что я совсем не просвещённая! – мать улыбнулась.

–Я так благодарна тебе! – вдруг сказала Маргоша.

–За что?

–За то, что ты не о чем не спрашиваешь... Хотя раньше меня это задевало. Я думала, что тебе не интересна ни я ни мой ребенок.

Маргоша посмотрела на мать, ожидая от нее протеста, но мать не сказала ничего. Вот и думай, может, и правда, они ей не интересны. Хотя с Олегом мать общалась в этот свой приезд много. Ладно, что теперь об этом говорить... Едва они сели на единственную скамейку, которая была на длинной платформе, как раздалось заунывное приветствие электрички. Маргарита Васильевна ощутила тоскливое ожидание чего-то неотвратимого, печального. Всегда вечером на пустынной платформе ее охватывали такие чувства. Казалось, что в электричке едут люди, пребывающие в другом измерении, и когда заходишь к ним в вагон, то ощущаешь себя чужаком ровно до следующей остановки. Потом заходят новенькие, и ты уже становишься старожилом, а они чужаками. В ночной электричке обычно не слишком уютно, словно не можешь себе найти места, как неприкаянный едешь куда-то, пока нормальные люди уже дома, пьют чай и готовятся ко сну.

Маргарита Васильевна подошла к едва заметной метке на асфальте платформы, где обычно оказывалась вагонная дверь при остановке состава, и подозвала мать. Они наскоро обнялись и мать шепнула на ухо:

–Кроме тебя и Олега мне никто никогда не был интересен.

Маргоша впихнула чемодан в тамбур и прыгнула обратно на платформу. Двери закрылись и электричка умчалась в Москву. С поезда сошли только две женщины и направились к дороге, ведущей в поселок. Маргарита Васильевна пристроилась за ними. Уже потемнело, и комары начали свою атаку. Женщины не пошли через лес, несмотря на то, что были вдвоем. Маргарита Васильевна рассчитывала идти за ними, так как одной по темноте в лесу уж больно неуютно. Пришлось и ей идти в обход. Поселок засыпал, загораясь окнами домов. На улице слышались только песни под гитару, которые в теплые вечера иногда распевала молодежь. Маргарита Васильевна чувствовала себя одинокой после отъезда матери. Теперь не с кем обсудить бытовые мелочи или помолчать о своем затаенном. Она снова одна наедине с мужчинами, одного из которых любила больше жизни, а другого раньше едва выносила. Сейчас Алексей не вызывает почти не вызывает никаких эмоций.

Маргарита Васильевна пришла домой. Было тихо. Из окна на темную кухню струился свет от фонаря. Слышался лёгкий храп Алексея. Маргарита Васильевна пошла в душ, чтобы смыть с себя остаток длинного дня. Ее неизменный ритуал в любой день. Омовение, без которого она с трудом засыпала в дни, когда болела и нельзя было мыться из-за высокой температуры или колотящего озноба. Вода в поселке мягкая, расслабляющая. После душа Маргоша завернулась в махровый халат и пошла заглянуть к Олегу пожелать ему спокойной ночи. До тех пор, пока она не дотронулась до ручки двери, ее сердце билось спокойно. Но вот она коснулась прохладного металла, и страх заставил ее тело одеревенеть. Она почувствовала, что за дверью сына нет раньше, чем увидела пустую кровать, оставленный включенным ночник, вокруг которого жил своей уютной жизнью освещенный мирок во тьме комнаты. Маргоша схватила себя за волосы и стала тянуть, чтобы стало больно, чтобы можно было заплакать. Она затопала ногами, совсем не заботясь о том, что ночь и что под ними соседи. Она замычала так громко, что вбежал Алексей в комнату и прикрикнул на нее:

–Совсем рехнулась?

Маргарита Васильевна схватила ремень, который висел на перекладине в открытом шкафу, и стала хлестать Алексея по лицу, по рукам, по животу, пока он не упал и не взмолился:

–Ты же убьешь меня, остановись! Прошу тебя! – он, взрослый мужчина, всхлипывал и размазывал слезы по лицу с красными полосами от ремня.

Маргарита Васильевна опустилась на пол рядом с Алексеем:

–Где Олег? Он сбежал! Почему ты это допустил?

–Что я такого сделал? Парень хоть воздуха глотнет чуть-чуть.

–Олег колется.

–Что? Что ты несёшь, полоумная? – Алексей пришёл в себя и из него полезла его привычная грубость.

–Я позвоню в милицию и заявлю на него. Пусть лучше его в КПЗ подержат, чем он умрет от передозировки! – Маргарита Васильевна вскочила и бросилась к телефону. Алексей с криком поднялся и положил руку на рычаг телефона:

–Нет.

–Я не хочу, чтобы мой мальчик умер! – закричала Маргарита Васильевна.

–Если за него примется милиция, то сможет навесить на него кучу нераскрытых дел! Ты в своих тетрадках закопалась, не видишь ничего. На той неделе пьяного мужика за автобусной остановкой на смерть забили. Говорят, что подростки.

–На той неделе Олег дома сидел!

–Это мы с тобой знаем. Ментам ничего не докажешь! Пошли искать его. Сами. Я фонари возьму. Да, не реви ты. Мы найдем его.

Они одели куртки и вышли. Ночь была уже прохладной. Фонари на улице горели, слышались лягушки с пруда и негромкий стук обуви по асфальту. Поселок спал. Сначала они

пошли к санаторию, где в маленьком доме культуры иногда показывали фильмы и проводили дискотеки. В санатории было темно. Он стоял заброшенный, и только таблички возле лесных тропок гласили: маршрут для пациентов с лёгочными заболеваниями, маршрут для пациентов с сердечно-сосудистыми заболеваниями. Маргоша подумала, что ей бы подошла табличка с маршрутом для безнадежных больных. В санатории они встретили только компанию из двух целующихся парочек лет пятнадцати максимум и пьяного сторожа, который лежал в беседке на скамейке и храпел словно заводящийся трактор. Пришлось вернуться в поселок. Они стали заходить во все подъезды домов, которые попадались на их пути. Обнаружилось ещё несколько подростков, но никто из них не видел Олега. Они оба устали и почти не разговаривали. Стало уже светлеть, наступало серое утро. Около дома Маргоша вдруг хлопнула себя по лбу и начала материться. Алексей непонимающе уставился на жену:

–Что такое?

–Господи, как же я раньше не догадалась, где его искать!

Маргоша кинулась к подъезду, где жила Людмила. Алексей побрел за ней. Почему-то у него совсем не было уверенности в том, что Олег там. Ведь родители Ромки должны понимать, что Олега будут искать, и ни за что бы не позволили ему остаться на ночь. Но Алексей не стал кричать этого в спину Маргоше. Пусть сама удостоверится. Маргарита Васильевна позвонила в дверной замок. Резкий пронзительный звук раздался в глубине квартиры. Маргарита Васильевна снова утопила кнопку звонка и уже держала ее в таком положении, пока не послышались ругательства и шарканье тапок по полу. Дверь распахнул Николай в серой майке, плотно обтягивающий живот, с всклокоченными волосами и узкими со сна глазами. За его большой спиной угадывалась фигурка Людмилы. Это она хрипло встречала утро проклятиями:

–Какого чёрта, пожар что ли?

Маргарита Васильевна резко, но не без усилия отодвинула хозяев в сторону и ринулась в квартиру, оставив Алексея разбираться с супругами. В квартире стоял застоявшийся запах сна, было сумрачно, в одной комнате спал старший сын Игорь, в другой спал Ромка. Маргоша быстро осмотрела маленькую неопрятную комнату. Олега тут не было. Стоял стул с ворохом накиданной одежды, стол с неубранной посудой, на полу валялись носки разных мастей. Ромка сопел в одежде на незастеленном диване, укрытый теплым полосатым пледом. Маргоша подошла к нему и тронула за плечо, потом потрясла. Никакой реакции. Зашла в комнату Людмила:

–Что тебе от него нужно?

–Олег мой где?

–А мы почём знаем? Иди давай домой, учительница! – Людмила окончательно проснулась и боевой дух ее проснулся тоже. Она собиралась сегодня как следует выспаться. После вчерашнего рейда по электричкам у нее тянуло поясницу.

–Твой Ромка наркотиками балуется! И Олега моего на них посадить хочет!

–Ну, ну! Мели, Емеля, твоя неделя! Иди давай, говорю! Нету твоего сына у нас! – Людмила приняла позу сахарницы, подбоченившись и широко расставив худые ноги, торчащие из-под халата.

Маргоша торопливо и заискивающе заговорила:

–А он был вчера вечером у вас дома, Олег мой?

Хозяйка сочувственно посмотрела на Маргошу и покачала головой:

–Мы поздно с Колей вернулись. Не могу тебе сказать. Ромка спал уже.

За всю их краткую беседу Ромка даже не пошевелился, хотя солнечный свет уже струился в окно, парень только громко и глубоко дышал.

Маргарита Васильевна опустила голову и вышла из комнаты. По лицу бежали слёзы. Она их машинально слизывала. Позади себя она оставляла проснувшуюся рано квартиру и ее обитателей. Загорелся свет на кухне, слышалось шипение яичницы на сковороде, кто-то наливал себе в чашку чай. Маргарита Васильевна очутилась в темном подъезде и рука об руку с Алек-

сеем покинула его. Потом они долго поднимались по лестнице на свой этаж, отпирали дверь, заходили в свою квартиру. Олега по-прежнему не было. После бессонной ночи, проведенной на ногах, Алексей выглядел и чувствовал себя совершеннейшим стариком. Он подумал, что надо бы что-то съесть перед тем, как лечь в кровать и забыться сном, но силы оставили его. Маргарита Васильевна не успела снять куртку, как Алексей уже спал. В голове стучала одна единственная мысль, зачем что-либо делать. Зачем раздеваться, зачем принимать душ, зачем готовить обед, зачем дышать. Зачем? Если Олега нет. Маргоша не ощущала себя живой. Она даже подошла к зеркалу в прихожей, чтобы убедиться, что всё ещё существует. Глаза провалились, остались только темные круги, рот повис перевернутой галкой, волосы выглядели так, будто их никогда не касалась расческа. Маргарита Васильевна облокотилась о стену и медленно сползла по ней на пол. Через мгновение она поняла, что катается по полу и воет. Наверное, так легче. Представляешь, что ты собака, или колобок из сказки, которого мотает по полю, а ее Маргошу по полу. Она чувствовала себя так словно ее душа отдельно, а тело отдельно, и смотрела на себя со стороны. Вот её тело перекачивается от одной стены к другой, вот изо рта свободно льется заунывный вой. А вот вдруг заверещал, затренькал обычно молчащий телефон. Красный, гладкий корпус. Мечта ее молодости, когда у нее не было своей выделенной телефонной линии. Маргарита Васильевна подумала, что могут звонить с работы и решила не подниматься с пола. Телефон замолчал, но спустя пару минут зазвонил снова. Маргарита Васильевна не хотела, чтобы проснулся муж, и решила выдернуть вилку из розетки. Но для этого пришлось бы отодвигать тяжёлый пуфик, а сил у нее не было. Маргарита Васильевна встала и прошаркала к телефону, намереваясь снять трубку и положить ее рядом с аппаратом. Пусть звонят! Но блестящая красная трубка захлебывалась от чьего-то голоса, и Маргоша прислонила ее к уху.

—Мама, мама! Я всю ночь звоню!

Маргарита Васильевна глубоко вдохнула и на трясущихся ногах осела на пуфик.

—Сынок, ты живой! Олежек, милый мой, ты живой!

Потом Маргоша долго плакала. Слезы облегчения ее совсем не тяготили. Она плакала и улыбалась. Все хорошо. Все в порядке. Ее сын умный и достойный мальчик. Он испугался, что не справится с собой. Каждую бессонную ночь, когда гостившая у них бабушка тихонько сопела в его комнате, Олег вставал к окну и видел Ромку. Ромка стоял, прислонившись к фонарному столбу, освещенный им в темноте и смотрел на его окно. Разводил руками и пожимал плечами, дескать, когда ты уже выйдешь? Олег мотал головой и отходил от окна, а потом полночи лежал, вцепившись в одеяло с бешено-стучащим сердцем. Когда бабушка уехала, Олег понял, что в эту же ночь он выйдет к Ромке. Его это и радовало, и убивало. Он ждал отъезда бабушки, ждал, когда мать пойдет ее провожать на электричку, ждал темноты. Все внутри него то сжималось, то бухало вниз. Олег вышел в прихожую. Отец смотрел телевизор и не обращал на него внимания. Мельком Олег глянул на себя в зеркало и не сразу узнал. Он был непривычно бледный, худой, глаза бегали, словно он что-то собирался умыкнуть. Олег подумал, что и правду хочет умыкнуть, украсть у себя жизнь. Здоровую, осознанную жизнь. Он снова хочет превратиться в кусок страдающей плоти. Снова хочет увидеть мать с погасшими глазами? Только не это. Мать не заслуживает этого! Она единственная, кто верит ему и понимает его. Все, что угодно, лишь бы она не страдала. Олег вышел из квартиры и осторожно, бесшумно прикрыл за собой тяжёлую дверь. По лестнице он сбегал на первый этаж и оказался на улице. Был вечер. Стрекотали кузнечики. Красноватый закат обещал скорое похолодание и приход осени. Олег поежился и пустился бежать. От Ромки, от себя, из поселка. Он сильно ослаб за месяц, когда просидел дома. Голова кружилась с непривычки словно он находился где-то в горах и дышал морозным разреженным воздухом. Бабушка, всегда, приезжая к ним из Москвы, выговаривала им, как будто они были виноваты в этом, что от здешнего воздуха у нее начинает дико болеть голова.

—Я дышу выхлопными газами, и уже давно мутировала, а тут у вас мне нужно в противогазе находиться!

Олег бежал к платформе. Какая-то разумная часть его мозга вдруг решила, что ему нужно ехать к бабушке. Туда, где нет Ромки и его соблазнительного зелья. Ноги понесли Олега к платформе раньше, чем он осознал это головой. Олег вскочил в поезд, когда двери уже смыкались. Ему повезло. Походкой моряка шевствовал он по вагонам в поисках бабушки. А потом они вдвоем всю ночь звонили Маргоше, впрочем, бабушка ближе к трем часам ночи сдалась, и прикорнула возле работавшего телевизора. Олег укрыл ее пледом и сделал потише звук. Сам он продолжал звонить, потому что понимал, хотя мать и ищет его по поселку, но в какой-то момент она будет вынуждена зайти в дом.

Маргарита Васильевна после разговора с сыном налила себе горячую ванну и благополучно в ней уснула. Слава богу, что грубый резкий стук в дверь подоспел вовремя. Хотя для чего сгодился Алексей. Маргарита Васильевна ощущала свое тело так словно оно было ватой. Она вылезла, держась за края, из скользкой ванны с уже остывшей водой. Вытираться не стала. Надела на мокрое тело широкий банный халат и вышла. На Алексея было жалко смотреть, и у Маргоши на секунду закралась в голову мысль, чтобы не сразу сообщать мужу про Олега. Помучить его. Но она тут же отбросила ее. Нельзя бога гневить, когда он такой подарок делает.

–Олег у бабушки. Он позвонил.

–Я собирался идти в милицию, – прохрипел Алексей. – И надолго он там? Скоро учебный год начнется.

Маргоша пожала плечами. Она пока об этом не думала. Главное, что с Олегом все в порядке, а школа подождёт. Маргарита Васильевна с холодным отстранением наблюдала перемены, которые в ней происходили. Ее перестало заботить мнение окружающих односельчан. Ее больше не заботила необходимость сохранения брака. Она была готова разрубить все, что ее держало в Серебристой Чаше. У нее есть мать, у матери есть жильё. Остаётся только убедить мать принять к себе взрослую дочь со внуком. Может статься, что и убеждать ее не придется. К старости одиночество начинает тяготить, а мать не молодеет.

–Алексей, я завтра пойду в ЗАГС.

–Зачем?

–Хочу развод.

–Спятила?

–Нет. Зачем я тебе? Зачем ты мне?

–Не понимаю твоих вопросов. У нас семья, сын...

Маргоша внезапно расхохоталась. Сказалась бессонная ночь и усталость. Когда от смеха, больше похожего на истерику, стал болеть живот, Маргоша приказала себе остановиться.

–Извини, я неподходящий момент выбрала, чтобы заговорить о разводе...

–Я же говорю, что ты спятила! Где твоя благодарность? Я всю ночь с тобой шастал в поисках сыночка! И вот как ты мне решила отплатить!

Алексей сделал к Маргарите Васильевне движение, которое можно было бы расценить, как угрозу, и тут же отступил. Маргоша смотрела на него, не моргая. Холодно как на абсолютно чужого человека.

–Я выслушаю твои возражения, когда высплюсь, – Маргоша ушла в спальню сына и упала на его кровать. Родной запах витал над ней, пока она проваливалась в сон. Алексей заварил себе чай. По всем правилам. Обдал заварочный чайничек кипятком, посчитал, сколько нужно ложечек насыпать плюс одну сверху, накрыл полотенцем. Сел за стол и задумался. Развод. Она сказала "развод". Зачем ей это? Что-что, а развод он никак не предполагал. Жизнь давно устоялась. Она была привычной, малоинтересной, может быть, не счастливой, но на старости лет что-то менять он не собирался. Здоровье иногда его подводило. На той неделе лежал три дня, поясницу прихватило. Маргоша и теща носили ему еду в постель, помогали ходить до туалета. А если он останется один, то кто это будет делать? Конечно, ему ещё до пенсии далеко, но искать новую хозяйку в дом у него уже духу не хватит. Кроме жены и сына, у него есть дочь

от первого брака, но они совсем не общаются. Наверяд ли, его дочь вдруг захочет заботиться о нем. Он плохой отец. Алексей налил себе крепкого свежего чая и обежал глазами кухню. Чистота, порядок, все блестит, все расставлено так, как он любит. Маргоша давно не слушает его, но по привычке, выработанной в первые годы брака, продолжает играть в его глупые игры. Если она разведется с ним, то квартира быстро одряхлеет, как и он сам. Когда он в последний раз готовил и просто разогревал себе еду? Даже то, что он вдруг заварил чай, говорит о том, в какое стрессовое состояние привели его слова Маргариты Васильевны. Он не даст ей развод! Алексей грохнул кулаком по столу и тут же пожалел об этом. Во-первых, дребезжащая посуда отозвалась почему-то зубной болью. А во-вторых, ребро ладони тут же заныло и даже, кажется, припухло. Алексей сунул руку под холодную воду. Когда она проснется? Ему бы хотелось скорее расставить точки над "и". Мучиться и ждать ее решения невыносимо. Алексей стал нарочито громко мыть свою чашку, потом включил громко телевизор, перетаскивал шумно мебель, попробовал петь. Напрасно. Маргоша спала без задних ног. Так сладко и глубоко, как в детстве. Ей снилась чистая вода, прибой, шум моря, солнце, брызги, прохлада посреди летнего зноя, запах свежести и ощущение всепоглощающей любви. Никакой посторонний шум не мог проникнуть ей в сознание. С Олегом все в порядке, жизнь продолжается, все будет чудесно. Предпринятые попытки разбудить Маргошу закончились для Алексея головной болью и звоном в ушах. Потом заныла спина, и в состоянии крайнего раздражения и бессильной злобы Алексей прилег на диванчик и незаметно для себя захрапел. Квартира погрузилась в сон, а за окном тянулся обычный день в поселке. Взрослые возвращались с работы или с огорода. Дети наслаждались последними денечками летних каникул. Подростки жили своей таинственной жизнью, собирались в подъездах и курили, доставали спиртное и приобщались к запретному миру взрослых. Вообще, все подростки нашей Серебристой Чаши в эпоху конца прошлого века делились на три неравномерные группы. Подозреваю, что большинство помогало родителям с огородом и с ведением домашнего хозяйства. Такие ребята корпели над учебниками и готовились к поступлению в высшие учебные заведения. Сигареты и вино для них были либо неинтересны либо находились под строжайшим запретом, который наложил строгий родитель с крепкой рукой. Вторая группа подростков, к коим относилась и я, считала сигареты и вино необходимой подпиткой в жизни. Подростковая неустойчивая психика и вечно работающие родители были благодатной почвой для возникновения нездорового стремления. Я не была бунтарем, но почему-то не курить я не могла. А курящая девчушка это уже вызов. В основном, остальные ребята из группы курящих и выпивающих обладали дерзким и наглым характером. Впрочем, так я тогда думала. Возможно, они также, как и я, толком не знали, что вокруг происходит и куда девать свое изменяющееся тело и разум. Но даже среди нашей прослойки курящих и выпивающих не было таких, кто без страха смотрел на третью группу подростков. Это самая малочисленная группа из тех, кто употреблял наркотики. Дышал клеем, глотал таблетки, кололся. Сейчас я вспоминаю, что тогда показывали какой-то страшный ещё советский фильм, где герой кололся. Кончил это герой так плохо, что у меня отложились его мучения в памяти, и как бы романтично потом не пытались показать зависимость, тот фильм был сильнее. Я знала, что есть наркотики и наркоманы в нашем поселке, но попробовать никогда не хотела, больше скажу, даже не думала об этом. Наркоманы жили в своем параллельном мире, с моим он не пересекался. Благодаря тому советскому фильму, я знала, что наркотики это конец, что выкарабкаться почти не реально, что это сильно ударит по моей матери, а я всегда ее жалела. Всю свою юность я знала о ней только одно: она бесконечно устала. От перестройки, от безденежья, от вечно пустого холодильника, от быта, от необходимости тяжело работать. Такой же усталой, но хорохорящейся была и мать Ромки. У нее всегда было неустойчивое настроение. Про таких людей говорят "неровный" человек. Так вот Людмила была неровная женщина, даже нервная. Утром она могла петь, смеяться, дарить всем улыбки, в обед ее тошнило от домашних, сыновей она награждала подзатыльниками, а дочь обзывала неряхой и гуленой. Людмила всегда

боялась, что дочь принесет в подоле. Это ведь позор, в поселке судачить начнут. Поэтому за пацанами она смотрела постольку, поскольку. Росли как трава в поле. Что с ними станется? Старший пошел характером в отца, в Николая. Спокойный, тяжёлый на подъем, добродушный и отходчивый. А до младшего все руки никак не доходили. Два мужика старших в доме, пусть и присматривают за ним. Ее дело накормить, по возможности одеть и надеяться, что на второй год в школе не оставят. И время было такое шаткое, голодное, опасное. Один политический строй разрушился, а новый все никак не хотел построиться. Мошенников всяких рангов повывлазило: тьма. Люди вносили последние деньги в акционерные общества-однодневки, пытались обналчить ваучеры, заряжали перед телевизором с выступающим экстрасенсом лекарства, крем и воду. Царило мракобесие, хлынула информация разного калибра обо всем и ни о чем конкретно. Смутное было время, поистине, смутное. И Ромка выросл среди всего этого одинокий, потерянный. Как-то подошёл к нему прогуливавшему школу такой же неприкаянный приятель и предложил сходить в подвал, где подростки железо тягали. Ромка никогда этим не интересовался. Скучно было. Но приятель заверил, что ему не придется поднимать штангу или подносить тяжеленные блины для тех, кто поднимает.

–А что тогда там делать?

–Увидишь! Боишься что ли?

–Сам ты боишься! Пошли!

И точно такой же диалог произошел между ними, когда по кругу передавали тоненький шприц с красными делениями:

–Боишься?

–Сам ты боишься!

Потом ребята сидели в темном подвале и слышали, как по толстым трубам течет вода, а по их венам – густая кровь, такая тяжёлая и спокойная, какая текла в них, пока они ещё были крохотными и интересными своим матерям. Ромка начал таскать из дома. Сначала по мелочи. Людмила была запасливой хозяйкой, и у них всегда можно было найти, чем поживиться. Ромка уносил все, что плохо лежало. Деньги, товар для торговли, украшения сестры и матери, самогон отца. И поначалу никто особенно не замечал пропаж. Квартира большая, трёхкомнатная с просторной лоджией. Иногда к Люде или к сестре приходили подруги. Ромка обязательно обшаривал их вещи, висящие в прихожей, и что-нибудь успевал занюхать, но он был осторожен: сразу все не брал, понимал, что тогда поймают. Ромка стал хитрым не по годам. Жажда наркотика и ощущения безопасности, который он давал, толкали его на воровство. А домашние ничего не замечали. Он и гордился своей изворотливостью и страдал, от того, что никто им не интересуется. Когда Ромка спелся с Олегом, то стало с одной стороны легче. Олег тоже таскал из дома и деньги, и вещи. Но с другой стороны им требовалось с каждой новой дозой все больше денег. И самое непонятное то, что случилось все это за каких-то полгода. С Нового года Ромка начал свои путешествия в теплый мир наркотических фантазий, расстояние между которыми катастрофически уменьшалось. Олег так, вообще, употреблял с Ромкой месяца три, не больше, но успел скатиться так низко, что даже его мать, Маргарита Васильевна заметила это. А она вечно в облаках витала, эта высокомерная женщина. Только Ромкина энергичная мать с вечно заведенными винтиками не хотела видеть очевидное. Однажды старший брат прижал Ромку к стенке и сказал, что знает все его выкрутасы, и если Ромка не прекратит, то Игорь собственноручно положит Ромку в психдиспансер. Ромка хотел в тот момент попросить, чтобы его и вправду туда отправили, так как сил бороться с жадой зелья у него уже давно нет, но Игорь быстро потерял интерес к брату. У него уже была своя взрослая интересная жизнь, наполненная дискотеками, девушками, алкоголем и, изредка, думами о том, как бы начать нормально зарабатывать. Всё-таки надолго его харизмы не хватит, нужно на ноги становиться. Девушки любят обеспеченных. У Ромки уже случались самые настоящие ломки, когда жилы выкручивало, и он стонал, кусая подушку ночью, иногда убегал из дома и стоял под

фонарным столбом, смотрел на окно Олега. Мечтал, чтобы его приятель вышел из дома, при этом прихватив деньги или вещи, которые можно было бы обменять на дозу. Но Олег перестал к нему выходить, и Ромка понимал, что он долго не протянет так. Приходилось брать в долг, плакать и обещать расплатиться. О том, чтобы соскочить, Ромка и не мечтал. Вся его жизнь превратилась в мучительную агонию. Как он завидовал отцу и брату. Эти двое расслаблялись при помощи самогона, легкодоступной, мутной водицы. Ромка пытался пить его, но измученный желудок не принимал ни жидкость, ни еду. Ромку нещадно рвало, и он, как умел, пытался убрать за собой, если это случалось дома. Мать приходила вечером и начинала драить ванную с туалетом, ругаясь на чем свет стоит. Ее трясло от голода и усталости, но она упрямо уничтожала пятнышки засохшей рвоты, косясь в сторону сына:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.